

Моим читателям

В течение уже нескольких лет у читателей моих книг я ощущаю беспокойство из-за того, что не пишу так, как прежде — десять или двенадцать лет тому назад. Действительно: я уже не рассказываю с полной серьезностью истории о межпланетных экспедициях, о необыкновенных приключениях людей в космосе. Я не пишу таких книг, как «Солярис» и «Непобедимый», где представлено столкновение человека с загадками других миров, столкновение духовное и исследовательское, как в «Солярисе», физическое и вооруженное, как в «Непобедимом». Я не пишу также или — чтобы быть точным — меньше пишу произведений в стиле космической мюнхаузениады, то есть космическо-фантастических рассказов, как «Звездные дневники», но выпускаю в свет либо солидные теоретические работы (вроде «Философии случая», рассматривающей вопросы теории литературы, или монографии «Фантастика и футурология»), либо достаточно тонкие книжечки, такие как «Абсолютная пустота» и (находящаяся в печати) «Мнимая величина»¹.

Я занимаюсь — в этих моих «толстых» книгах — вопросами на грани литературы, философии человека и футурологии или — в беллетристических книжечках — экспериментами, по своему

¹ Do moich czytelników, 1973. © Перевод Язевич В.И., 2007.

Это письмо было опубликовано в журнале «Polska», № 5, 1973 г., вместе с несколькими рассказами из книги «Мнимая величина», которая вышла из печати в конце этого же года.

содержанию и форме достаточно далекими от того, что писал раньше и что получило ваше, моих Читателей, одобрение.

Почта приносит мне письма, в которых я нахожу озабоченность из-за этих изменений; поэтому я пишу это письмо — открытое, так как, к сожалению, не в состоянии отвечать всем корреспондентам, растерянным, обеспокоенным и даже разочарованным моим «бегством» из области «классической» science fiction¹. Впрочем, об этом моем «побеге» уже писали наши критики.

Я получаю просьбы, призывы, советы писать так, как раньше, оставив философию философам, а литературный эксперимент — сторонникам новаторства, и в тексте или в подтексте таких писем слышу упреки, что я дезертировал из SF, что следую за литературной модой или за своими новыми пристрастиями, а не за тем, чего жаждут Читатели. Поэтому я пользуюсь удобным случаем, чтобы объясниться — то есть чтобы разъяснить, почему каждая моя следующая книга все меньше похожа на прежние, получившие ваше признание.

Причин для этого столько, что всех я не перечислю, да всех и не знаю, поэтому скажу вам только то, что сам знаю об этой перемене.

Во-первых: просьбы, чтобы я писал «продолжение следует» старых книг, таких, например, как «Солярис», я не мог бы исполнить, если бы даже хотел, потому что это невозможно. В этих книгах мне хотелось образно представить встречу человека с явлениями, настолько отличными от земных, что они остаются до конца не расшифрованными, так как космос в действительности — такая бесконечность, всю глубину которой невозможно измерить нашими человеческими, земными — среди людей и на Земле возникшими — мерами. Потому в этих книгах я стремился к «антропологическому эксперименту» со скрытым вопросительным знаком: что будет с человеком, если он столкнется с чем-то, что превосходит его понимание? Может ли он с этим смириться и как? Очевидно, как и бывает в романах, там было много других тем, но эта идея мне пред-

¹ Научная фантастика (англ.).

ставляется ведущей. А следовательно, не раскрытые до конца загадки таких планет, как Солярис, я не могу выяснить в «продолжение следует», так как это противоречило бы основному принципу: будучи мерилom земных вещей, человек не является мерилom всего космоса.

Во-вторых: я не пишу книг уже освоенным и испытанным методом, потому что не хочу повествовать о приключениях ради самого процесса повествования. Обычно в этих повестях присутствовала какая-то мысль, как, например, упомянутая выше. Я считаю также, что если в жизни что-то произошло, то не следует к этому возвращаться. Не следует — даже если очень хочется, потому что такой возврат является отступлением, является выражением недоверия миру, по сути — бегством от действительности, ибо в ней возврат к прошлому **всегда** невозможен. Ни цивилизация не может отступить назад, ни человечество не может вернуться к сельскохозяйственно-скотоводческому образу жизни, ни литература не может сегодня повествовать точно так же и точно о том же, о чем рассказывали Сервантес и Бальзак. Очевидно, что нечто вроде эскапизма существует, и не только в литературе, но и в жизни, существуют люди, верящие в возможность возвращения к «старым добрым временам», но это чистейшей воды утопия, а по моему глубочайшему убеждению никто — ни среднестатистический, ни незаурядный житель земного шара — не имеет права, в особенности сегодня, скрываться под защитой утопии. Хотим мы того или нет, радуется нас это или пугает, но мир мчится вперед, в будущее, неведомое вопреки всяким усилиям футурологов, и потому тот, кто в таком мире пишет книги, должен этот факт — непрерывные масштабные перемены — учитывать, если *только* он не хочет обмануть себя и своих Читателей. Что же касается меня, я не считаю, что литература должна быть *только* красивой или дающей отдых благодаря выдумке, то есть лжи. А значит, я ощущаю давление перемен, и мною управляет оно, а не усилие любой ценой «быть модным» или «постоянно нравиться».

В-третьих: я считаю, что такая «нормальная» литература, каковой является science fiction, с каждым проходящим годом

оказывается во все большей опасности. Эта опасность не в том, что возникла «страшная конкуренция» в виде фильмов, телевидения, средств массовой информации, и поэтому люди предпочитают смотреть в маленький или большой экран, а не читать книги. Опасность в том, что мы теряем ориентацию в нагромождении мировых событий, то есть мы не можем определить их *реальную иерархию* — различить *степень их влияния на нашу нынешнюю и дальнейшую судьбу*. Мы чувствуем, что цивилизация в своем поступательном движении отрывается, что ее отрывают от традиционных исторических корней, поэтому она должна зондировать свое будущее, она **должна** сегодня принимать решения, последствия которых спасут или погубят наших детей и внуков. Такое положение дел выше наших сил, и его иногда называют *future shock* — шок будущего, потрясение от видения непостижимого, раздираемого противоречиями, но вместе с тем и неотвратно приближающегося будущего. Это положение дел застало литературу и *science fiction* неподготовленными. То, о чем сегодня говорит «нормальная» беллетристика, как и то, что рассказывают разукрашенные книги SF, уходит и уводит от мира, который *есть*, и тем более от мира, который стоит у ворот — у ворот, ведущих в XXI век. «Обычная» литература часто замыкается в себе самой или прибегает к мифологическим мутациям, к алеаторизмам¹, к языку темному и запутанному — а *science fiction* превращается в псевдонаучную сказочку или пугает нас упрощенными картинками грядущих кошмаров цивилизации. Обе склоняются к подобным формам — отказу от действий, которые придавали литературе качество, которое Дж. Конрад назвал «воздаянием по справедливости видимому миру». Но чтобы воздать по справедливости, надо сначала понять аргументы спорящих сторон; поэтому нет ничего более важного, чем попытки понять, куда наш мир движется и должны ли мы этому сопротивляться, или, принимая это движение, активно в нем участвовать.

В-четвертых: как может писатель, понимая это опасное состояние дел — опасное не только для его профессии, но для

¹ От лат. «alea» — игральная кость, жребий; алеаторика — учение о случайности, алеаторизм — введение случайных элементов.

всех живущих — прикидываться, будто он этого не понимает? Не в том дело, чтобы защищать литературу от «конкуренции» других искусств или новых технологий, а в том, чтобы выковать такое понятийно-художественное оружие или такие интеллектуальные, этические и эстетические мерки, которые не рассыплются в прах на ближайшем повороте истории. Не спасания литературы требует эта ситуация, а сохранения универсализма человеческой мысли — мысли, для которой прекрасное писательство является лишь одной маленькой гранью. Не уполномоченный, чтобы выступить от чьего-либо имени, я говорю только за себя: литература наверняка не может ни спасти мир, ни его изменить, и этого она не сделает ни традиционно, ни новаторски созданная. Тем не менее она может быть снотворным или пробуждающим средством, может быть или наркотиком и подпиткой для несбыточных мечтаний и снов, наркозом, или непрекращающейся попыткой постижения сути человечества и предвосхищения его будущей судьбы. Я не говорю «средством предсказания», ничего подобного. В духовной жизни литература может быть самое большее чем-то таким, чем в физической сфере является тренировка, закалка, развитие упражнениями рефлексов и способностей, то есть умственной концентрацией, а значит, даже в самом худшем случае должно сохраниться то, что образно представлял Паскаль, когда говорил о мыслящем тростнике.

И это уже урок для меня — я не смею возвращаться к чему-то, что уже сделано, мне нельзя ни усыплять моих Читателей пустыми обещаниями автоматизированного технологического рая, ни пугать их тысячей воображаемых форм техногенного апокалипсиса цивилизации. Нельзя — потому, что это уже неисчислимо количество раз сказано, сделано, написано, и не важно, сделано ли это блестяще, или убого, достаточно уже, что от этого трещат библиотеки, то есть если у тебя нет ничего сказать иного, нового, то порядочность велит лучше замолкнуть, чем доливать воду в океан.

Чем же я собственно занимаюсь? На примере книжки «Мнимая величина» видно: я пытаюсь представить себе плоды буду-

щей культуры. Это не является каким-то серьезно задуманным предсказанием. И это не беллетризованные прогнозы — ничего, кроме попыток хотя бы микроскопического расширения горизонтов нашей мысли. А так как речь идет о мыслях, о плодах культуры, о художественных произведениях, о трактатах, в действительности *не существующих*, то есть фиктивных, то, представляя *фикцию*, тем самым я по-прежнему помещаю «Мнимую величину» в область литературы. Это как бы фикция в некоторой степени, фикция «второй степени», ибо ее героями являются не выдуманнные человеческие личности, как бывает в романе, а выдуманнные *сочинения*. Является ли это фантастикой? Я не знаю, в какой мере соответствует подобное определение. Я не знаю — и признаюсь, что меня это мало волнует. Но в любом случае это литература, которая никакого мира, с его жителями, **прямо** не показывает и не описывает. Это литература о литературе — но не в смысле, например, антиромана, то есть замыкающаяся сама в себе, в процессах написания произведений, а литература, выходящая за пределы самой себя. Она представляет будущее изобразительное искусство («Некробии»). Представляет протокол будущей встречи человека с «ужасно мудрой машиной», являющейся творением его собственных рук — которую я назвал *Големом*. Представляет будущую научную дисциплину — «битистику», исследующую «бит-литературу», то есть тексты, авторы которых *не люди*, ибо их авторы — компьютеры родом из XXI века. Потому что проблема «сосуществования» двух разумов — человеческого и «нечеловеческого», биологического и машинного интеллекта — кажется мне одной из ключевых в будущем.

Однако представляя будущие сочинения, я не написал их — это было бы и невозможно, и утомительно, — но только «вступления» к ним. Подобный шуточный прием (создание «интродукционистики» как «нового литературного жанра») облегчил исполнение задуманной не только как *шутка* задачи. Представление этой задачи составляет суть моего письма. Мы не знаем, что будет *в действительности*, но должны готовиться ко всему, что вообще можно придумать — лишь бы это было когерентным, логичным, четким.

Не подчиняясь в этой сфере строгим правилам, что требуется от науки, литература — пользуясь такой привилегией, как *licentia poetica*¹, — может, а значит должна, позволить себе гораздо больше, чем вправе себе позволить **научное** предвидение будущего — футурология.

Если «Мнимая величина» местами странная, местами трудная для понимания, местами не поддающаяся определению, серьезно ли здесь о чем-то говорится, или здесь смеются и издеваются, то — одновременно могу отметить, что странным, трудно понимаемым, насмешливым и одновременно серьезным является мир, в котором я живу и пишу, — я готов, однако, взять на себя вину за эту «трудность» моих текстов. Я не хотел бы быть ни «трудным», ни «элитарным» писателем, и если о чем-то думаю, то стараюсь выразить просто, как я только могу — к сожалению, это не всегда мне удается. Возможно, я чрезмерно обременяю «научностью», сайентичностью такие тексты, но это потому, что считаю: обновлять литературу, помогать литературе, приспособливать литературу к миру можно только **извне**, взрывая ее застывшие формы, из ее нутра, лишь из нее самой помощь прийти не может.

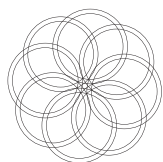
Поэтому я привлекаю достижения философии, естествознания, футурологии, но не ограничиваюсь их сегодняшними, реальными результатами, а продолжаю их фикциями — в будущее или скорее в непроницаемую завесу, которая скрывает от нас будущее.

То, что я сказал, должно быть объяснением, а не оправданием, ответом моим Читателям, а не попыткой защиты или, напротив, восхваления моих экспериментов. Тем более что я могу ошибаться, ибо не знаю не только мира будущего и даже как следует мира настоящего, но и самого себя, собственных возможностей и собственной ограниченности. И потому я не призываю к этим новым текстам, не называю их панацеей, не принимаю их за «единственный правильный» путь, а делаю просто то, что умею и как умею — в литературе.

Если мне удастся написать после «Мнимой величины» следующую книгу, наверное она снова будет неким образом иная,

¹ Поэтическая вольность (*лат.*).

а так как мир не хочет постоянно повторяться, то и литература не должна без борьбы отказываться от возможности идти с ним в ногу как захватывающая игра со скрытым замыслом, как шутка, начиненная, возможно, и драматической моралью, как смертельно серьезная игра, но не из-за прихоти писателя, а в силу необходимости.

Абсолютная пустота

Абсолютная пустота

Рецензирование несуществующих книг не есть изобретение Лема; примеры можно найти не только у современного писателя — Х.Л. Борхеса (скажем, «Анализ творчества Герберта Куэйна» в сборнике «Хитросплетения»), идея гораздо старше — и даже Рабле был не первым, кто ее воплотил. Но курьезность «Абсолютной пустоты» в том, что автор решил создать целую антологию таких критических опытов. Систематичность педанта или шутника? Второе более вероятно, и этого впечатления не ослабляет предисловие — предлинное и ученое, в котором читаем: «Писание романов есть форма утраты свободы творчества. (...) В свою очередь, рецензирование — труд еще более каторжный и еще менее благодарный. О писателе можно хотя бы сказать, что он сам себя приневолил — избрав сюжет. Положение критика хуже: рецензент прикован к предмету рецензии, как каторжник к тачке. Писатель теряет свободу в своей книге, критик — в чужой».

Напыщенность этих сентенций слишком очевидна, чтобы принимать их всерьез. Чуть ниже в предисловии (названном «Автозоил») говорится: «Литература повествовала доселе о вымышленных персонажах. Мы пойдем дальше: будем описывать вымышленные книги. Вот она, возможность вновь обрести сво-